

Книга первая

Сын и дозь

Глава первая

Окрестности Дорлкотт-Милл

По широкой равнине, меж привольно раскинувшимися зелеными берегами, спешит к морю Флосс, а навстречу реке, подобно нетерпеливому возлюбленному, жаждущему заключить ее в жаркие объятия и остановить ее стремительный бег, торопится прилив. На своей могучей груди он несет черные силуэты торговых судов, груженных свежеструганными сосновыми досками, туго набитыми мешками с льняным семенем или черным блестящим углем, — несет к городку Сент-Оггз, чьи старинные рифленые крыши из красной черепицы и широкие фронтоны верфей и складов виднеются между невысоким, поросшим лесом холмом и берегом реки, окрашивая ее воды в мягкий багрянец под лучами неяркого февральского солнышка. По обе стороны от нее вдаль убегают богатые пастбища, перемежающиеся клочками вспаханной земли, готовой принять семена будущего урожая, или уже зазеленевшими первыми побегам озимых. Кое-где за зелеными изгородями и многочисленными деревьями еще виднеются золотистые россыпи прошлогодних стогов, так что

со стороны кажется, будто далекие корабли поднимают свои мачты и вздувают красно-коричневые паруса прямо посреди ветвей раскидистых ясеней. На самой окраине городка с красными черепичными крышами в реку впадает ее бурный приток Риппла. Поверхность его рябит мелкими темными барашками, придающими ему на редкость живописный вид. Когда я брожу по его берегам и вслушиваюсь в его негромкий умиротворенный шепот, так похожий на голос друга, пусть и неспособного услышать меня, он представляется мне живым и словоохотливым спутником. Я до сих пор помню большие ивы, окунавшие ветви в его воды, и этот каменный мост тоже сохранился в моей памяти.

А вот и Дорлкотт-Милл, здешняя мельница. Я просто не могу пройти мимо, чтобы не остановиться на минуту-другую на мосту и не полюбоваться на нее, хотя небо уже затянуто тучами, а день давно клонится к вечеру. Даже сейчас, на исходе февраля, когда деревья стоят голые и неприветливые, на нее приятно смотреть — пожалуй, сырость и прохлада лишь добавляют очарования аккуратному и ухоженному домику, столь же древнему, как и те вязы и каштаны, что укрывают его от ураганных ветров, налетающих с севера. Приток грозит вот-вот выйти из берегов, затопив заросли лозы и чуть ли не весь участок перед домом. Глядя на полноводный ручей, сочную траву и нежную зелень мха, которая сглаживает суровость огромных стволов и ветвей, просвечивая сквозь их переплетение, я понимаю, что всей душой люблю этот влажный климат, и завидую уткам-вдовушкам, что погружают головы глубоко в воду среди прутьев лозняка, не обращая внимания на

то, сколь нелепо они выглядят для тех, кто взирает на них сверху, из благополучной сухости.

Шум воды и рокот мельничного колеса создают некую волшебную завесу, гасящую прочие звуки, отчего сценка перед глазами лишь обретает еще большую умиротворенность. Она словно бы отрезает вас от внешнего мира. Но вот раздается грохот огромного крытого фургона, везущего домой мешки с зерном. Его честный возница думает о своем ужине, который наверняка подгорает в печи, ведь час уже поздний, но он не притронется к нему, пока не накормит своих лошадок — крепких смирных животных с добрыми глазами, глядящих на него, как мне отчего-то представляется, с мягким упреком из-под своих шор, стоит ему взяться за хлыст, которым он так безжалостно погоняет их, будто они нуждаются в столь жестоком обращении! Достаточно лишь взглянуть на то, как они напрягают все жилы, втаскивая повозку вверх по склону на мост, и чем ближе дом, тем усерднее они тянут ее. Вы только посмотрите на их мощные мохнатые ноги, которыми они попирают земную твердь, на терпеливое напряжение вытянутых шей, на игру сильных мускулов на крупе! Я уже представляю, как они тихонько ржут над заслуженной тяжким трудом порцией овса, и буквально вижу, как они склоняют потные шеи, освобожденные от сбруи, окуная ноздри в грязный пруд. Но вот они уже вскарабкались на мост, куда быстрее спускаясь с другой его стороны, и задок фургона исчезает за поворотом, скрываясь из виду за деревьями.

Теперь ничто не мешает мне вновь устремить свой взор на мельницу, на то, как ее колесо безостановочно

разбрасывает изумрудные струи. Оказывается, за ним наблюдает и какая-то маленькая девочка; она стоит не шелохнувшись на одном и том же месте у края воды с тех самых пор, как я задержался на мосту. А рядом с ней прыгает и лает смешная собачонка с коричневым ухом, выказывая свое недовольство неутомимому механизму; пожалуй, она приревновала к нему свою подружку в касторовой шляпке, которая, кажется, совсем забыла о ней. На мой взгляд, ей давно пора домой, к теплу очага, алые отблески которого хорошо видны в сгущающихся сумерках. Наверное, самое время и мне двинуться дальше — уж слишком долго я стою, облокотившись о холодный камень моста...

В самом деле, что-то руки у меня совсем занемели. Пожалуй, я слишком сильно опирался ими на подлокотники своего кресла, вспоминая тот давний февральский вечер, когда я стоял на мосту перед мельницей Дорлкотт-Милл. Перед тем как задремать, я собирался поведать вам, о чем разговаривали мистер и миссис Талливер, сидя слева от жарко пылающего в гостиной камина в тот самый день, который мне приснился.

Глава вторая

Мистер Талливер из Дорлкотт-Милл оглашает свое решение насчет Тома

— Я скажу тебе, чего бы я хотел, — проговорил мистер Талливер, — я хотел бы дать Тому хорошее образование: такое, которое позволит ему самому зарабатывать себе на хлеб. Именно об этом я думал, когда велел ему

покинуть академию на Благовещение. Потому как уже на Иванов день я намерен отдать его в по-настоящему хорошую школу. Если бы я хотел сделать из него мельника или фермера, то двух лет в академии ему было бы довольно; он и так проучился гораздо дольше меня. Моя же собственная учеба обошлась моему папаше недорого: азбука да розги, и все дела. И потому я хочу, чтобы Том стал грамотеем и ничем не уступал тем щеголям, что гладко болтают да красиво пишут. Тогда он бы здорово помог мне в судебных тяжбах, разбирательствах и прочем. Нет, стряпчего из него я делать не намерен — не хватало еще, чтобы он превратился в жулика и негодя; я бы предпочел, чтобы он выучился на механика, или землемера, или аукциониста и оценщика, вроде Райли, или еще какого ловкача, который знай гребет себе денежки лопатой и у которого забот — только купить цепочку для часов потолще да табуретку повыше. Все они одним миром мазаны, и, сдается мне, законы писаны не для них, потому как тот же Райли ничем не уступит стряпчему Уэйкему. Уж он-то нисколько его не боится.

Мистер Талливер обращался к своей супруге, светловолосой особе приятной наружности в чепце с оборками в виде веера (мне даже страшно подумать, сколько времени минуло с той поры, как женщины носили подобные головные уборы, так что скоро они вновь должны войти в моду. В то время миссис Талливер было что-то около сорока, такие чепчики только-только появились в Сент-Огтзе и считались премиленькими.).

— Что ж, мистер Талливер, вам виднее: лично у меня нет никаких возражений. Но быть может, лучше я нарежу пару кур или индеек да приглашу наших тетушек

с дядюшками на будущей неделе на ужин, чтобы вы выслушали, что имеют сказать по этому поводу сестрица Глегт и сестрица Пуллет? У меня есть парочка куриц, которые буквально *умоляют*, чтобы их прирезали!

— Бесси, перережь хоть всех своих кур до единой, но я не желаю выслушивать ничьи советы о том, как мне поступить с собственным сыном, — с вызовом заявил в ответ мистер Талливер.

— Боже милосердный! — воскликнула миссис Талливер, до глубины души пораженная этой кровожадной риторикой. — Как вы можете так говорить, мистер Талливер? Впрочем, у вас в обычае неуважительно отзывать-ся о моей семье, а сестрица Глегт винит во всем меня, хотя я невинна, как новорожденное дитя. Никто и никогда не посмеет упрекнуть меня в том, будто я не твержу всем и каждому, как я рада тому, что у моих детей есть обеспеченные собственным доходом тетки и дядья. Однако же, если Том пойдет в новую школу, я бы хотела, чтобы она располагалась неподалеку, дабы я могла обстирывать и обшивать его. В противном случае ему хоть колени кор дай вместо полотняного белья — все едино пожелтеет после дюжины стирок. Да и потом, я могла бы с окаязией передать ему кекс, или пирог со свиной, или яблоко. Господь свидетель, лишний кусок ему не повредит, как бы хорошо его там ни потчевали. Уж что-что, а голодать моим детям не приходится, слава богу!

— Ладно-ладно, ежели все устроится, как надо, мы не станем отправлять его туда, куда не доедешь на фурго-не, — заявил мистер Талливер. — Вот только не подни-май шума насчет стирки, если нам не удастся устроить его в школу поблизости. Есть у тебя такая блажь, Бесси:

завидев на дороге прутик, ты вечно думаешь, что не сумеешь перешагнуть через него. Ты не позволила бы мне нанять хорошего возницу только потому, что у него на лице выросла бородавка.

— Господь милосердный! — с некоторым удивлением отозвалась миссис Талливер. — Когда это я возражала против кого-либо только потому, что у него на лице бородавка? Они мне даже нравятся. Если хотите знать, и у моего брата, упокой Господь его душу, тоже была бородавка на лбу. Но я что-то не припоминаю, чтобы вы когда-либо предлагали нанять возницу с бородавкой, мистер Талливер. К примеру, у Джона Гиббса было не больше бородавок, чем у вас, то есть вообще ни одной, и я ничуть не возражала против того, чтобы вы наняли его, и вы непременно так и сделали бы, если б он не умер от горячки, — а ведь мы еще платили доктору Тернбуллу за то, что он пользовал его, — так что Джон и посейчас правил бы нашим фургоном. Да, у него запросто могла быть бородавка где-нибудь в другом месте, но, скажите на милость, откуда мне знать об этом, мистер Талливер?

— Нет-нет, Бесс, дело тут не в бородавке. Так, просто к слову пришлось. Но ты не обижайся — чего не скажешь ради красного словца. А сейчас я ломаю голову над тем, как найти правильную школу и отправить в нее Тома, потому как можно запросто промахнуться снова, как с этой академией. Я на пушечный выстрел больше не подойду ни к одной академии: какую бы школу для Тома я ни выбрал, академией она не будет. Это будет заведение, где ребят учат чему-нибудь еще, помимо того, как чистить башмаки или копать картошку. Чертовски нелегко, знаешь ли, выбрать подходящую школу.

Мистер Талливер умолк ненадолго и сунул руки в карманы штанов, словно надеясь отыскать там ответ. Очевидно, он не остался разочарован, потому что вскоре воскликнул:

— Я знаю, что делать: надо поговорить с Райли! Он приезжает завтра, чтобы решить спор насчет плотины.

— Что ж, мистер Талливер, я выделила простыни для гостевой кровати, и Кассия развесила их у огня. Правда, они не самого лучшего качества, но спать на них сможет кто угодно, кем бы он ни был. Что же до простыней из лучшего голландского полотна, мне вроде и жаль, что мы на них потратились, но с другой стороны, надо же и нас будет во что-нибудь обрядить. Случись вам представиться прямо завтра, мистер Талливер, то они разглажены без единой складочки и благоухают лавандой, так что развернуть их — одно удовольствие. Я храню их в левом углу большого дубового комода в задней комнате и никому не разрешаю прикасаться к ним.

С этими словами миссис Талливер извлекла из кармана блестящую связку ключей и, выбрав один из них, принялась поглаживать его пальцами, безмятежно глядя на огонь. Будь мистер Талливер впечатлительным человеком, он мог бы заподозрить, что она достала ключ, дабы дать волю своему воображению в предвкушении того момента, когда сам он окажется именно в том состоянии, чтобы оправдать хлопоты и расходы на простыни из лучшего голландского полотна. К счастью, он не являлся таковым; он готов был ревностно оборонять лишь свое право на мельницу, кроме того, он обладал полезной привычкой не слишком внимательно прислушиваться к болтовне супруги и, помянув

мистера Райли, занимался тем, что ощупывал собственные шерстяные чулки.

— Кажется, я придумал, Бесси, — заявил он после недолгого молчания. — Сдается мне, что Райли — именно тот, кто подскажет нам нужную школу: он и сам где-то учился, да и бывать ему приходится повсюду, учитывая разрешение всяких там споров, оценку и прочее. Словом, завтра вечером мы с ним все обсудим после того, как он освободится. Знаешь, я бы хотел, чтобы Том был похож на него — умел складно изъясняться, как по писаному, и знал множество таких слов, которые ничего не значат, а повернуть их можно и так и этак, да и в делах знал бы толк.

— Что ж, — сказала миссис Талливер, — если он будет уметь складно говорить, знать все на свете, ходить, согнувшись в три погибели, и зачесывать волосы надо лбом, то я ничуть не возражаю, чтобы мальчик обучился всему этому. Но эти записные болтуны из больших городов имеют обыкновение носить фальшивые манишки, они не расстаются со своими жабо до тех пор, пока те не превращаются в лохмотья, а потом прикрывают их детскими нагрудничками. Во всяком случае, Райли точно так делает. Да и потом, если Том, как и Райли, будет жить в Мадпорте, то в доме у него на кухне не развернешься, и о свежих яйцах на завтрак останется только мечтать, и спать ему придется на третьем или даже четвертом этаже, а случись пожар, оттуда и вовсе не выбраться.

— Вздор, — заявил в ответ мистер Талливер. — У меня и в мыслях не было отправлять его в Мадпорт: я рассчитываю, что он откроет контору в Сент-Огтзе, где-нибудь неподалеку от нас, а жить будет дома. Впрочем, —

продолжил мистер Талливер после некоторой паузы, — боюсь, что Том не обладает нужным складом ума, чтобы стать ловким дельцом. Сдается мне, он несколько туповат. В этом он пошел в твоих родственников, Бесси.

— Совершенно с вами согласна, — заявила миссис Талливер, приняв последнее предположение супруга за несомненную похвалу. — Он предпочитает бульон посолонее, так же, как мой брат и отец.

— Какая жалость, — заметил мистер Талливер, — что в мать уродился мальчик, а не девочка. В этом вся беда скрещивания: никогда не знаешь, что у тебя получится. А вот малышка пошла вся в меня, никаких сомнений: она куда умнее Тома. Боюсь, даже слишком умна для женщины, — продолжал мистер Талливер, с сомнением поворачивая голову сначала в одну сторону, а потом в другую. — Пока она маленькая, я не вижу в том большого вреда, а вот слишком умная женщина ничем не лучше длиннохвостой овцы — за нее не дадут настоящей цены.

— Нет, как раз в этом-то и беда, что она еще маленькая, мистер Талливер, потому что это ведет к непослушанию. Ума не приложу, как заставить ее не пачкать платье хотя бы на протяжении двух часов. Вот, кстати, раз уж вы сами заговорили об этом, — продолжала миссис Талливер, встав с места и подойдя к окну, — я ее не вижу, а ведь уже пора пить чай. Ах, так я и думала: бродит где-нибудь по берегу ручья, как неприкаянная. Помяните мое слово, когда-нибудь она непременно свалится в воду.

Миссис Талливер резко постучала в окно, поманила кого-то пальцем, после чего осуждающе покачала

головой; она повторила свои действия несколько раз, прежде чем вернуться к своему креслу.

— Вот вы ведете речь об остром уме, мистер Талливер, — заметила она, усаживаясь, — но на мой взгляд, иногда девчонка выглядит просто чокнутой. Когда я посылаю ее наверх принести что-либо, она забывает, зачем пошла туда, и, усевшись на пол на солнце, принимается заплетать косу и напевать себе под нос, как ненормальная, а я все это время жду ее внизу. В моей семье такого не случилось никогда, слава богу! И загара такого, отчего она похожа на мулатку, у нас тоже в роду нет ни у кого. Не хотелось бы мне дурно отзываться о провидении, но она — сущее наказание, вот что я вам скажу.

— Какой вздор! — повторил мистер Талливер. — Всякий, у кого есть глаза, скажет, что она славная черноглазая девчушка, ничуть не хуже всех прочих детей, а уж читает она едва ли не лучше самого пастора.

— Но волосы у нее не хотят виться, как я с ними ни бьюсь, а она терпеть не может папильотки и не желает стоять смирно, чтобы завить их щипцами.

— Ну, так обрежь их — остриги коротко, — резко бросил отец.

— Как вы можете говорить такое, мистер Талливер? Она уже большая девочка, ей сравнялось девять, да и росту она немаленького, чтобы коротко остричь ей волосы. А вот у ее кузины Люси настоящая копна кудряшек на голове, ни волосинки не выбивается из прически. Какая досада, что такой ангелочек родился у моей сестрицы Дин. Люси и впрямь больше похожа на меня, чем мое собственное дитя. Мэгги, Мэгги! — с усталым отчаянием воскликнула мать, когда эта ошибка природы

вошла в комнату. — Разве не говорила я тебе, чтобы ты и близко не подходила к воде? Когда-нибудь ты непременно свалишься в реку и утонешь. И вот тогда пожалеешь, что не послушалась свою мамочку, да поздно будет.

Волосы Мэгги, когда девочка сняла капор, со всей очевидностью подтвердили обвинения матери. Миссис Талливер, желая, чтобы у дочери на голове были завитушки, «как у всех нормальных детей», подстригла их спереди слишком коротко, чтобы их можно было заложить за уши; кроме того, не прошло и часа после того, как из них вынули папильотки, и они вновь стали прямыми, и Мэгги приходилось то и дело встряхивать головой, чтобы черные блестящие локоны не лезли ей в глаза, отчего она изрядно походила на маленького шетландского пони.

— Ох, дорогая моя Мэгги, ну разве можно так гадко обращаться со своей шляпкой? Будь умницей, отнеси ее наверх, причешись, переоденься и переобуй башмачки — боже, какой стыд и позор! — а потом прихвати свое лоскутное шитье и спускайся вниз, как подобает маленькой леди.

— Ах, мама, — с негодованием ответствовала Мэгги, — *я не хочу* сшивать лоскутки.

— Как! У тебя так красиво получается, а ты отказываешься сделать покрывало для своей тети Глегг?

— Это глупо, — заявила Мэгги, тряхнув непокорной гривой, — сначала рвать вещи на кусочки, а потом сшивать их вновь. А для тетки Глегг я вообще не желаю ничего делать. Она мне не нравится.

С этими словами Мэгги вышла вон, волоча за собой капор за завязки, а мистер Талливер разразился оглушительным хохотом.

— Хотелось бы мне знать, что вы увидели тут смешного, мистер Талливер, — с обидой заявила мать. — Вы потворствуете ее капризам. А ее тетки подумают, будто это я ее избаловала.

Миссис Талливер была, как говорится, особой весьма уравновешенной — даже будучи маленькой, она никогда не плакала, разве что от голода или от укулов булавками; с самой колыбели отличалась крепким здоровьем, розовощекостью, пухлостью и недалеким складом ума — короче говоря, была красой и гордостью своего семейства. Но молоко и кротость — такие вещи, которые трудно сохранить в неприкосновенности, и, стоит им прокиснуть, как они способны вызвать серьезное расстройство молодого желудка. И я часто спрашиваю себя, а удавалось ли этим ранним Мадоннам Рафаэля, с их светлыми ликами и откровенно глуповатым выражением лица, сохранять свою безмятежность, когда их крепкие и упрямые отпрыски становились слишком большими для того, чтобы обходиться без одежды? Полагаю, им тоже приходилось прибегать к бесплодным увещеваниям и все чаще испытывать нешуточное раздражение при виде того, что все усилия пропадают вотще и втуне.

Глава третья

Мистер Райли дает совет по поводу школы для Тома

Господин в просторном шейном платке и манишке, попивающий разбавленный бренди со своим добрым другом мистером Талливером, — не кто иной, как мистер